



Ольга Волкова

Герой моих размышлений столь сложен и не типичен для нашего актерского цеха, что говорить о нем – большая ответственность. Витю Гвоздицкого я знаю вот уже скоро 30 лет. Я познакомилась с ним, когда он был молодым, хрупким, ранимым, дрожащим как струнка, когда попал в театр Комедии, театр своей мечты, из рижского ТЮЗа. Мы с ним как-то сразу сцепились, подружились. Он меня еще тогда поразило тем, что все время писал письма: в автобусе, в поезде. Вылилось это в грандиозные литературные тексты: недавно прочла в журнале “Театр” четыре его статьи и была ошеломлена. Сочетание едкого глаза, лезвеного юмора, невероятной нежности и очень несентиментального ощущения жизни, когда много вещей не прощается (я и сама такая!), и вместе с тем – колоссальная благодарность даже к тем, с кем расстался. Виктор влюблен в театр как поэт. Это не бытовое чувство, но поэтическое восприятие людей и самого театра. Он наделен любовью к театру вообще: к костюмерам, к гримерам, что и говорить об актерам! Любит театр страстно. А такая любовь – страшная любовь. Потому что когда актер позволяет себе играть с такой отдачей, с таким азартом и страстью, как это каждый вечер делает Виктор, это действительно становится опасно. Он ведь играет каждый спектакль как последний. Театру с ним нужно быть предельно внимательным: он из тех, кому необходимо знать, что он будет делать завтра, потому что кроме театра в его жизни ничего нет. Он актер особый, и относиться к нему нужно особо, пристраиваясь к нему.

Тогда, в пору нашей с ним службы в театре Комедии, я в нем нашла голодного слушателя всех моих рассказов – про театральные школы, актерскую технику, режиссерские стили (я же всегда была одержимой: моталась по всем репетициям, лекциям, семинарам). Нам было безумно интересно вместе. В тот момент в Театре комедии были редкие режиссеры: Вадим Голиков и Петр Фоменко. Голиков – мудрый, бесконечно талантливый, человек трудной судьбы. Он делал такую жесткую конструкцию спектакля, вписываясь в которую актер чувствовал себя уверенно, но к роли должен был прийти сам. Здесь была свобода. Голиков, ученик Товстоногова, опережал свое время на несколько десятилетий – и был обречен на полное непонимание того театра, в который пришел. И был Петр Фоменко, парадоксальный, яркий, мощный, он владел магией театра, стихией фантазии и юмора, дарил актеру невероятное количество приспособлений и абсолютно точное прочтение роли. Витя играл и у того, и у другого – впитывал обе школы. Однажды после какого-то спектакля все сидели за столом, и вдруг Витя распрямился и стал говорить что-то пламенное. В это мгновение я увидела весь диапазон его ролей: Чехов, Ростан, Достоевский! Потом он сыграл с Ольгой Антоновой “Мизантропа” – замечательно сыграл. Как он умел и умеет любить на сцене! Мурашки по коже, когда вспоминаю, как он смотрел на Ольгу Антонову в “Мизантропе”! Дальше была ослепительная роль в “Пушкин и Натали” у Камы Гинкаса. Потом – непростая история с БДТ. Его жизнь там не сложилась, но это снова была для него хотя и жестокая, но школа!

Мне кажется, что, несмотря на все сложности, его судьба в Ленинграде складывалась счастливо: он застал его любимых стариков в театре Комедии, а когда он сыграл в “Кроткой” с Олегом Борисовым, этот потрясающий актер, не слишком щедрый на похвалы, очень высоко оценил мастерство и профессионализм Вити и говорил об этом. Но ситуация в БДТ осложнялась все больше, и Витя сделал рывок в Москву, в “Эрмитаж” (слава Богу!). Потом был театр Пушкина, и, наконец, МХАТ. Так что судьба, в конце концов, дала ему то, что он заслужил: она всегда награждает тех, кто плывет поперек волны, а Витя из таких.

Для меня очевидно, что он обладает таким грандиозным даром ученичества, что дух захватывает. Он ведь мальчик из Кропоткина, не из театральной семьи вовсе. Но он был счастлив, когда попал в Театр: сначала в Рижский ТЮЗ к Адольфу Шапиро, где сыграл много ролей, потом – в театр Комедии, где заметил, полюбил, впитал культуру старшего поколения! Он действительно сам себя сделал во всем: очень много читал, много слушал. Он всегда берет барьер, чтобы доказать себе, не другим (другим уже все понятно), что он это может. Всегда шел вперед, даже когда встречал неприятие, сопротивление. Уникальный диапазон, уникальные возможности у этого актера – и так много еще впереди. У него потрясающее лицо, которое очень много транслирует само по себе и так легко загригировывается под лица гениев – Пушкин, Мейерхольд, Арто – он же их играл! Он очень щедрый партнер, а это редкий дар. Витя с бесконечной благодарностью принимает все, что ему дают, при том, что шкала ценностей у него очень жесткая, и внутренний счет к себе и людям – жестокий.

Роман Козак

Я, безусловно, знал Виктора Гвоздицкого до того, как мы встретились в работе: видел его в спектаклях Гинкаса, Левитина и понимал, что с трудом могу назвать его артистом. Артист – это что-то для меня известное (я сам в этой профессии побывал, знаю, какие есть механизмы, каким ключом какой замочек открывают). Но понять, какими “отмычками” пользуется на сцене Виктор, было невозможно, я видел на сцене некое существо, перетекающее из жизни в театр, балансирующее на грани театра и жизни.

Я позвал Виктора Гвоздицкого в спектакль “Самое главное”, потому что был уверен, только он может играть доктора Фреголи – без него не было смысла ставить пьесу. Вначале я немного волновался, был настроен – все-таки первая совместная работа, но как только начался репетиции, понял, что складывается идеальная ситуация сотворчества, соавторства. Есть очень небольшой круг людей, с кем у меня получается так работать.

Потом начались репетиции “Женитьбы”, но с этим спектаклем все было намного труднее: нужно было сделать классическую, многонаселенную пьесу с абсолютно “звездным” составом – Калягин, Юрский, Гвоздицкий, Тенякова, Невинный, Гуляева – всего за полтора месяца. Состояние мое было в буквальном смысле самоубийственное. Но Гвоздицкий и здесь отличался от всех. Он сразу понял, насколько мне тяжело, и с первой секунды репетиций повел себя как друг. Это было еще одно большое приобретение в моей жизни: я увидел в Гвоздицком не только очень хорошего артиста, но и понимающего меня человека. Это так редко встречается – люди, которые строят свое поведение на понимании другого человека.

Гвоздицкий артист очень опытный, прекрасно знающий свое ремесло, не зря его любимая присказка – это ироничное “Я тридцать лет на сцене”. Он прекрасно знает, когда какую кнопку нужно нажать, но не нажимает. Он вообще никогда не делает ожидаемых движений, потому что самодостаточно, потому что ему было бы стыдно за ожидаемое действие. Он хорошо знает себе цену, безусловно, знает, что он талантлив.

У нас с ним есть одна общая боль (или общий вирус, или болезнь) – художественный театр. Мне кажется, мы одинаково относимся к этому дому, к Ефремову. Часто говорим об этом.

Я очень надеюсь, что это наше общение не прервется, и очень хочу, чтобы артист Гвоздицкий был бы еще не раз использован режиссером Козаком.

Павел Любимцев

Когда думаешь о Викторе Васильевиче Гвоздицком, обязательно отмечаешь несуетность его жизни. Он не “мелькает” на презентациях и фестивалях, редко снимается в кино.

Он служит своей Профессии. Именно служит, отдавая Театру всего себя без остатка. Такой способ существования, конечно, нелегко, а главное, – столь строго сейчас в театре почти никто не живет. Как-то не получается.

Достоинство актерской профессии Гвоздицкий хранит свято; про него смело можно сказать: редкий мастер.

Такая глубина и точность решений, как в его ролях, такая подлинная культура, такая внутренняя техника, – сегодня все это встречается на подмостках нечасто. И еще: есть такое ускользающее понятие – “актерское поле”. Пожалуй, термин этот не из системы Станиславского, но театральные люди сразу понимают, о чем речь. Так вот: актерское поле Гвоздицкого какое-то магическое; он может, словно натянув невидимые струны, держать внимание оцепеневшего зала как нечто физически осязаемое. Более всего это поражает в ролях трагических – Арбенин, Сирано, Тузенбах, Эрик XIV, Казанова, Арто. Секунды, когда у зрителей перехватывает дыхание, в горле стоит комок, а в глазах – слезы. Такими мгновениями Гвоздицкий одаривает часто.

За тридцать лет жизни в театре артист сыграл шестьдесят восемь ролей, и сей “послужной список” производит сильное впечатление: “Мизантроп” Мольера и “Тень” Шварца, “Стеклозвончик” Уильямса и “Крик лангусты” Маррела, моноспектакль “Пушкин и Натали”, открывший Гвоздицкого театральной Москве, и Лабишевская “Соломенная шляпка”, “Смерть Занда” Олеша, “Дон Жуан”, “Женитьба” и “Ревизор”, “Записки из подполья”, “Скверный анекдот”, “Сон в летнюю ночь”, “Венецианский антиквар” Гольдони. Список можно длить и длить, а о каждой роли рассказывать конкретно и с подробностями.

О Гвоздицком писали и пишут очень много. Настоятельно много, что в 1998 году вышла большая книга, составленная из статей об артисте и его собственных заметок: “Виктор Гвоздицкий в это мгновение театра”. Книга оказалась очень своеобразным документом целой театральной эпохи.

Автору этих строк довелось видеть Виктора Васильевича в пятидесяти ролях. В сегодняшней юбилейной публикации хотелось бы вспомнить ту роль, которая принесла ему первый значительный успех. В этой давней роли отразились многие грани замечательного дарования Гвоздицкого, подобно тому, как в капле воды отражается океан.

Было это порядочно давно.

В начале июля 1978 года, только-только вступив в труппу Ленинградского Академического театра Комедии, я попал на премьеру “Леса” Островского в постановке П. Н. Фоменко. Попал... и начал ходить на каждый спектакль! Посмотрел его таким образом раз пятнадцать (или больше!) и ничуть не утомился. Дело тут было не только в естественной влюбленности начинающего актера в свой первый театр, но и в том, что “Лес” мне и теперь (почти двадцать пять лет спустя!) представляется очень ярким спектаклем высокой театральной культуры. Сегодня такого днем с огнем не сыщешь! Если бы не узкие рамки статьи, я рассказал бы подробно о резких режиссерских трактовках фоменковского “Леса”, о его причудливой музыкальной партитуре, о фантазмагорическом оформлении Игоря Иванова и о колоритном актерском ансамбле.

В “Лесе” играли ведущие артисты всех поколений театра, начиная со знаменитых акимовских “стариков” – Елены Владимировны Юнгер, Владимира Викторовича Ускова и Алексея Владимировича Савостьянова. Но если говорить об исполнении молодых ролей, ярчайшим открытием “Леса” стал Виктор Гвоздицкий в роли Буланова. Нюансы его игры доставляли какое-то особенное удовольствие!

В нем поразительно сочетались яркость и легкость, острота и прозрачность красок.

Весь театральный Ленинград сразу заговорил о Гвоздицком! Виктор Васильевич (тогда еще без отчества) был замечен, отличен и принят – безоговорочно! Пожалуй, он в максимальной степени воплотил эксцентричный замысел постановщика.

Неожиданности начались с облика. Вместо хорошего бутуза-гимназиста, каким Буланова играют часто, на сцене появлялось какое-то несурзное “насекомое существо”, мальчишка-переросток. Все ему было коротко и тесно – из гимназической тужурки нелепо торчали руки, из узеньких брючек ноги в низких сапожках и белых носках. Тревожно бегающие глазки, чуть приподнявшийся носик, оттопыренные уши и немыслимо залысина дегенеративная прическа... В общем, молящаяся-то! Именно таким был явлен в спектакле Алексей Сергеевич Буланов – “молодой человек, недоучившийся в гимназии”, как аттестует его автор. Пластика этого недоросля была какая-то грациозно-вихляющая, весь он был соткан из изгибов и извивов; пальчики перепархивали от жеста к жесту и столь же изящно слетали учтивые реплики с остренького языка: “Маменька говорит... что у меня ум не такой... не для ученья...” Как это легко звучало, как застенчиво! Кружево! Или – заискивающе, просительно и печально: “Что ж, Карп, ты набил мне папирсы? Отчего же нет, ведь я тебе велел...”

И прямо скороговорочкой-колокольчиком: “Были-быденги!” Это самое восхитительно смешное “бы-

либыденги!” повторяли в театре решительно все.

Рядом с интонациями трогательными, беззащитными, жалкими проглядывало в этом маленьком приживале что-то удивительно наглое и хамское. Аксюшу он “прихватывал” в укромном уголке твердо и цепко – не отбиться! “Что это вы такое герцогиней смотрите, красавица вы моя! – звучало с уличной развязностью.

В этих мгновенных переключениях Гвоздицкий вел всю роль, и оттенков было бесконечно много – от простодушного любопытства до “наполеоновского” окрика: “Солидным приказываете быть?! Буду!!!”

В его игре покорила абсолютная естественность и огромное удовольствие от встречи с настоящей пьесой, с настоящей ролью.

(Островского Виктор Васильевич сыграл потом еще один раз: в радиоспектакле Ю. И. Еремина “Похожения Бальзамина” он исполнил заглавную роль, открыв в пошлом искателе богатой невесты поэтический дар и тоску по несбыточному).

Дуэтные сцены с Е.В.Юнгер-Гурмыжской были похожи на некий диковинный музыкальный ансамбль, в котором низкий с придыханиями “дамский звук” Елены Владимировны идеально сплетался с дискантовыми нотами Гвоздицкого. Как виолончель и флейта.

Желание угадать и угодить точно сочеталось во взгляде Буланова, трепетало на кончиках его ушек. Кульминационное ночное объяснение Юнгер и Гвоздицкий играли с рискованной смелостью, на грани гиньоля. Услышав из уст строгой старухи: “Люблю тебя, дурак! Тебя!” – Буланов, стоящий на высоком пенёчке, как-то обмяк и начал шелестеть нечто вроде: “Да-с... Я и сам-с... думал, да не смел-с... Давно бы вы-с...” И при этом он аккуратнейшим образом раздвинулся! Не слезая с пенёчка, герой Гвоздицкого сперва снимал обувь, потом гимназический китель, затем штаны. При этом все сворачивал бережно-бережно, собирал в стопочку.

Оставшись в длинной рубашке и с брюками на щиколотках, Буланов-Гвоздицкий оказывался как бы стреноженным и далее мог передвигаться только маленькими скачками.

Эту сцену Петр Наумович Фоменко все длил и длил, словно не решался прервать столь органичное исполнение рискованного рисунка.

И последняя трансформация Буланова была столь же роскошной, как и все его предыдущие метаморфозы. В этом валяжном барине не узнать было порхающую моль первого действия. Шикарная шевелюра, элегантнейший фрак и повелительные властные интонации обнаруживали несомненное главенство будущего хозяина “Пеньков” над покоренной Гурмыжской: “Пруды надо чистить, Раиса, копать канавы!” Тут ясно виделось, что именно присмирившая Раиса будет у него и канавы копать, и пруды чистить. “Злокачественный мужчина...” Страшноватый “лебедь” получался в финале из гадкого утенка.

Конечно, в гротесковом фоменковском “Лесе” жил отголосок легендарного мейерхольдовского спектакля 1924 года. Спектакль этот, вероятнее всего, не видели даже старейшины театра Комедии; и сегодня, как и двадцать пять лет назад, о дерзновенном творении Мастера можно судить только по воспоминаниям, стенограммам и пожелтевшим фотографиям. Но вот что интересно! Рассматривая фотографии спектакля ГОСТИМа, и в частности, неслыханную акробатику Буланова-Ивана Александровича Пыррева (обеими ногами на спинках венских стульев!), я всегда думаю о Викторе Гвоздицком, о том, что он (и тогда, в “Комедии”, и теперь) бесстрашно, легко и мгновенно может исполнить любое режиссерское задание, лишь бы оно было талантливым! Потому что Гвоздицкий – из тех немногих актеров, для которых чудодейственная аура театральных легенд – фундамент творчества, “Антеева земля”. Каким-то сверхъестественным образом тянутся волшебные ниточки от Гвоздицкого-Эрика к Эрику Михаила Чехова, От Гвоздицкого-Хлестакова к Хлестакову Эраста Гарина, а от Гвоздицкого-Арбенина к Арбенину Юрия Михайловича Юрьева. Умение вслушиваться в дыханье театральной истории очень мало кому дано, в особенности среди “мышьей бедогни” сегодняшнего дня.

Давно известно, что “будущее бросает тень”. Двадцать пять лет назад дальнейшее никому не было известно. Но кое-что можно было предугадать. После премьеры “Леса” в театре Комедии можно было увидеть впереди блестяще-содержательную актерскую судьбу Виктора Гвоздицкого, можно было предположить, что этот совсем молодой артист, которого сейчас вполне заслуженно называют мастером, сыграет в будущем... и тут можно было бы перечислить все его этапные роли. Если бы я не был суверен, как все театральные люди, я рискнул бы продолжить этот список, пополнив его новыми театральными открытиями. Но написанных театральных законов нарушать нельзя, и я могу только с бесконечным интересом ожидать новых работ Гвоздицкого.

А если речь пойдет о юбилейных пожеланиях, то... вслед за здоровьем и душевным спокойствием я хочу от всего сердца пожелать новых интересных ролей замечательному артисту Виктору Васильевичу Гвоздицкому.

● Виктор Гвоздицкий в спектакле “Тот, кто получает пощечины” (преьера 31 октября 2002 года) Фото О. ЧЕРНОВА

Материал подготовила Катерина АНТОНОВА